

УДК 9(С18) + 34(С18)

Использование чрезвычайного законодательства в Енисейской губернии в межреволюционный период (1907–1917 гг.)

Д. А. Бакшт

*Красноярский государственный педагогический университет,
г. Красноярск*

В работе рассматривается использование территориального принципа в чрезвычайном законодательстве, что помогает раскрыть положение региона в представлениях власти периода поздней Империи.

Ключевые слова: Енисейская губерния, чрезвычайное законодательство, межреволюционный период (1905–1917 гг.), жандармское ведомство, имперская власть.

*Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не
производит никакого впечатления...*

Из рапорта генерала А. Н. Меллер-Закомельского Николаю II, 1906 г.

Последнее десятилетие существования монархии в России характеризовалось нарастающей поляризацией общества, глобальными в рамках Империи социальными и национальными движениями и увеличением практики применения властью административных методов борьбы с оппозицией (т. н. «реакция»). Инструментарий и тактику поведения имперского руководства после 1905 г. историк К. Гумб назвал методами «короткой расправы» [10, с. 192], тем самым подчеркивая, что основной целью было устрашить население. Известный правовед начала XX в. также пришел к этим выводам, исследуя положение «чрезвычайной охраны». По его мнению, когда власть не подчиняется праву, а, наоборот, власть требует подчинения, используя в своих интересах право, то последнее «вырождается». При повинении населения «за страх» право уступает произволу, а увеличение строгости карательных санкций носит симптоматичный характер, уменьшая при этом «нравственный авторитет» правящего режима [4, с. 335]. Эти замечания глубже, чем кажется, потому что с этих позиций формулируется проблема об исторических предпосылках государственного террора и инструментария тоталитаризма в более ранний период времени (поздняя Российская империя).

Методы «расправы» выражались в устранении юридических преград для упрощения преследований «в ущерб законности» инакомыслящих путем введения чрезвычайного законодательства [9, с. 38]. Главными инструментами были «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 1881 г., «Правила местностей, объявленных на во-

енном положении» от 1892 г. и «Правила чрезвычайной охраны на железных дорогах» от 1905 г. [13]. Эти документы меняли статус регионов, изымая их из общего управления (усиливая полицейскую или военную власть). Для нас интерес вызывает именно эта составляющая – использование территориального принципа в чрезвычайном законодательстве, что помогает раскрыть положение региона в представлениях власти периода поздней Империи.

Енисейская губерния – второй по размерам регион России и Сибири, уступал только Якутской области. Эта административная единица в революционные годы переживала социальные волнения, которые вылились в открытое восстание и создание т. н. «Красноярской республики» (зима 1905–1906 гг.) со своими, альтернативными имперским, органами управления. «Республиканцев» удалось подавить военной силой, что было обеспечено чрезвычайным законодательством в условиях военного времени (война с Японией) – на отрезке Транссибирской магистрали в границах губернии было объявлено временное военное генерал-губернаторство. В середине 1906 г. на положении «усиленной охраны» был объявлен Минусинск с уездом [15]. Таким образом, исходная позиция нашего исследования (т. е. на 1907 г.) – губерния с опытом антиправительственной открытой борьбы, большой территорией и с функционирующим чрезвычайным законодательством в 4 из 6 губернских городов и на всей протяженности железной дороги.

Такой курс правительства неизменно должен был приводить к консолидации разных бюрократических («силовых» и судебных) структур. Политические дела, производящиеся «судебным» порядком (т. е. по общему уголовному законодательству) могли разрешиться в благоприятном для власти итоге при сотрудничестве жандармерии и прокуратуры, где первые должны были играть роль дознавателя и следователя, а вторые в лучшем случае помогать, в худшем – просто не мешать жандармскому производству. Если же дело рассматривалось в рамках «охраны», то исход дела зависел всецело от политической полиции и решения губернского совещания, куда передавалось дело. В составе же совещания председательствовал губернатор при губернском прокуроре и начальнике жандармского управления. На железных дорогах был аналогичный орган – специальный комитет под председательством управляющего дорогой при начальнике жандармского полицейского управления и заведующего воинским передвижением (от армии). При производстве политических дел, исход в пользу власти зависел от максимального сотрудничества военного генерал-губернатора и жандармерии, поскольку первый назначается от армии из местного воинского начальства, а значит офицеры, назначенные в военно-полевой суд так или иначе от него зависели.

Как писал исследователь истории императорской прокуратуры С. М. Казанцев, несогласных с трактовкой законности как «охранения существующего строя» (по выражению министра юстиции И. Г. Щегловитова) убирали и заменяли более лояльными трону [11, с. 193]. В Енисейской губернии такие тоже нашлись. Премьер-министр П. А. Столыпин письмом товарищу министра юстиции М. Ф. Люце просил ведомственным порядком отстранить мирового судью Максимова, судебного следователя Минусинска Б. Ю. Вона-

го, товарища прокурора С. И. Киселева и самого прокурора А. А. Верещагина как лиц, «вредных для государственного порядка» и мешающих жандармскому ведомству вести свою деятельность. В случае неисполнения Минюстом требования председателя правительства, последний пригрозил использовать ресурс военного положения и «Правил» 1892 г. [18, л. 1–4об.]. Таким образом, к концу 1907 г. полицейская власть (губернатор и жандармерия) избавились от противодействующих им лиц от юстиции.

За первые годы межреволюционного периода практика разрешения дел согласно чрезвычайному законодательству проходила в порядке исключения, постановления выносились общим судебным порядком. Согласно ведомости окружного суда, привлеченных лиц по государственным преступлениям (кроме 3 части 103 статьи и 3 части 106 статьи «Уголовного уложения») к остальным лицам составляли в 1907 г. 37 % (59 человек), а в 1908 г. – 53 % (92 человека) [5, л. 31об.-32]. Чрезвычайное законодательство использовалось для преследования лиц, участвовавших в массовых акциях неповиновения, самым ярким из которых было Красноярское восстание [3].

В 1908 г. в Сибири начался процесс смены статусов территорий, на которых действовало чрезвычайное законодательство: в Тюкалинском, Ишимском, Тобольском и Тюменском уездах Тобольской губернии; Каинском, Барнаульском, Томском и Мариинском уездах Томской губернии военное положение, кроме линии Сибирской железной дороги, было заменено «чрезвычайной охраной». Всем территориям, которые были в положении «охраны», этот статус продлили. В Восточной Сибири, в том числе в Енисейской губернии сохранялся status-quo: было продлено положение Минусинского уезда, изменения на железной дороге не планировались законодателем в тот год [16].

Однако обстоятельства внесли свои коррективы: в ноябре 1908 г. в самой малозаселенной и северной части Енисейской губернии – Туруханском крае, произошли события, с закрепившимся в историографии названием «Туруханский бунт». Небольшое, по сути, происшествие полностью парализовало местный карательный и управленческий аппарат и заставило обратить на себя внимание более высоких чиновников. 4 января 1909 г. Николай II подписывает указ об объявлении этой территории на военном положении, а Енисейский уезд – на положении «охраны». Иркутский генерал-губернатор создает временное военное Туруханское генерал-губернаторство [17].

Мы уже публиковали исследование о методах и приемах административной власти в ходе этого происшествия [2, с. 137–143], отметим лишь несколько моментов. Во-первых, размер грабительского отряда был мал (до 20 человек), чтобы объявлять военное положение. Действия и приемы внутри генерал-губернаторства были нацелены на устрашение местного русского населения и контингента ссыльных. Во-вторых, сама законность акта, на который опирались каратели вызывает сомнения: Россия на 1908 г. не вела внешних войн, а значит Туруханский край, за отсутствием фронта, не был тылом и, тем более, не входил в театр военных действий (противоречие с 1 статьей «Правил» 1892 г.). Начальников отрядов мог назначать команду-

щий армией (иркутский генерал-губернатор), а не начальник красноярского гарнизона до объявления военного положения (противоречие со 124 статьей «Положения управления войск в военное время» 1890 г.). Все это свидетельствует о том, что власть все чаще прибегала к репрессиям, не считаясь с собственным законодательством. Общее управление было восстановлено 29 июля 1909 г., но Енисейский уезд продолжал оставаться на «охранном» положении. Хотя говорить об общем положении относительно края можно лишь условно: вся полицейская, административная, фискальная и судебная власть была сосредоточена в руках отдельного Туруханского пристава [14; 17; 8, л. 9].

Картину применения «охранных» полномочий жандармскими органами, как основными дознавателями по государственным и политическим преступлениям, мы приведем, опираясь на уникальный источник – «Журнал дознания с 1909 по 1917 гг.» [6, л. 103]. Общая динамика применения чрезвычайного законодательства Енисейским губернским жандармским управлением (ЕГЖУ) отображена в таблице 1:

Таблица 1

Чрезвычайное законодательство в следственных действиях ЕГЖУ

Порядок дознания	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	Итого
судебный	19 (26)*	23 (30)	16 (50)	11 (11)	5 (25)	10 (11)	11 (13)	22 (31)	117 (197)
чрезвычайный**	11 (190)	19 (31)	44 (55)	45 (53)	28 (39)	25 (37)	27 (102)	42 (97)	241 (604)

* в скобках показано число привлеченных к дознаниям лиц

** дознания по «Положению» 1881 г. и «Правил» 1892 г.

Как видим из таблицы 1 применение в следственных действиях (собственные дознания ЕГЖУ и исполнение требований других жандармских органов) с 1911 г. практика применения чрезвычайного законодательства преобладает над действиями в порядке 1035 статьи «Устава уголовного судопроизводства», даже в достаточно «спокойный» 1913 г. Применение «исключительного права» применялось для задержания «нелегалов» (беглых ссыльных, дезертиров, военнопленных) и массовых арестов, т. е. тогда, когда наиболее эффективно применение секретных сотрудников и нет необходимости приводить доказательства, запрашивать прокуратуру и ордер на арест. Также с 1911 г. сменяется начальник ЕГЖУ (М. С. Байков), определявший работу всех подразделений политической полиции в регионе.

Установка власти на применение в самых густонаселенных территориях губернии продолжилось вплоть до свержения монархии. К 1911 г. Енисейский и Минусинский уезды продолжали состоять в положении «охраны», более того, иркутский генерал-губернатор издает постановление, в котором оговаривается особый порядок пользования оружием, издания печатной продукции, налагался запрет собраний и подстрекательств к забастовкам. До 1912 г. в зоне отчуждения железной дороги действовало военное положение, замененное затем «охранным» с приложением генерал-губернаторского по-

становления, аналогичного минусинскому. В Туруханском крае впервые была ограничена власть пристава и введен пост мирового судьи. В связи с началом Первой мировой войны императорским указом от 24 июля 1914 г. на год на всю территорию губернии распространялось «Положение» 1881 г., ежегодно продлеваемое. Подзаконные акты генерал-губернатора сохранялись на территории железной дороги, в Минусинском уезде они отменялись, а в 1916 г. из-за усилившихся на территории Сибири «голодных бунтов» и после погрома в Красноярске 7 мая 1916 г. Транссиб в границах Енисейской губернии был объявлен на военном положении (вместе с 3 губернскими городами) [12].

Используя чрезвычайное законодательство, карательные органы Енисейской губернии, по сути, нарушали императорский манифест 17 октября 1905 г. (с санкции высшей власти), в первом пункте которого декларировалась неприкосновенность личности:

Таблица 2

Применение тюремного заключения при производстве дознаний

Порядок дознания	1909 (чел.)	1910 (чел.)	1911 (чел.)	1912 (чел.)	1913 (чел.)	1914 (чел.)	1915 (чел.)	1916 (чел.)	Итого
судебный	10	8	12	0	0	2	1	2	35
чрезвычайный	181	23	26	19	38	22	29	31	359

Чтобы подчеркнуть сибирскую специфику применения чрезвычайного законодательства, стоит привести данные по объектам его применения. Мы возьмем период с 1913 по 1916 гг., т. е. предвоенный год и период, когда 100 % территории было выведено из общего управления. Из 64 человек в 1913 г. – 20 ссыльных всех категорий (т. е. установленные лица как «политически неблагонадежные»), в 1914 г. из 48 человек – 12 ссыльных и 1 военный, в 1915 г. из 115 человек – 18 ссыльных и высланных и 4 пленных, в 1916 г. из 126 – 15 ссыльных, 11 военнопленных и 5 военных. Из этого мы можем заключить, что жандармерия в среднем 20 % своих усилий тратила на уже осужденных по политическим и государственным преступлениям в европейской части России и высланных в Сибирь. Стоит отметить, что перед началом войны, 14 июня 1914 г. исправляющий должность губернатора Б. В. Писаренков провел совещание чинов тюремного и жандармского ведомств и общей полиции по вопросу о ссылке в Канском и Енисейском уездах (после 1909 г. массовая ссылка из Туруханского края была распределена в эти административные единицы), где единогласно признали политическую ссылку «пережитком времени», но поскольку ее отмена – компетенция высшей власти, то местной администрации остается только путь административного надзора. То есть, использование чрезвычайного законодательства – мера, вынужденная для карательных органов губернии [7, л. 36].

Чины собственной армии практически не задевались, т. к. политическая полиция с 1913 г. практически не могла получать сведения из этой среды, и ей запрещалось производить действия без уведомления армейского командования [1, с. 293–294]. Из местного населения чаще всего встречаются лица крестьянского сословия Красноярского, Канского и Ачинского уездов, реже – Минусинского и Енисейского, обитатели Туруханского края и Усинского по-

граничного округа не привлекались к дознаниям. Мещане из местного населения уступали по частоте упоминания, они практически представляли Красноярск, Ачинск и Канск. Если соотнести эти данные с географией распространения чрезвычайного законодательства и размещения жандармских чинов, то мы увидим, что власть больше всего уделяла внимание крупным населенным пунктам, стараясь применить чрезвычайное законодательство для нейтрализации организованных групп.

Подводя итоги, мы получаем следующую картину. Высшая власть после 1907 г. взяла курс на «запугивание» населения и оппозиции, чтобы отвоевать потерянные в 1905–1907 гг. позиции. Для этого использовались карательные технологии, выработанные еще при Александре III, расширяя и учащая их практику не смотря на манифест Николая II от 17 октября 1905 г. Как мы видим, тренд на усиление административных форм «расправы» продолжался даже после убийства П. А. Столыпина, с которым связывался «реакционный курс». Это доказывает то, что Империя в последнее десятилетие своего существования пыталась самосохраниться экзекуциями, несмотря на смену должностных лиц разных уровней управления. На примере Енисейской губернии мы видим, что внимание власти было приковано к крупным городам и зоне Транссибирской железной дороги – т. е. основным имперским инфраструктурным опорным точкам в регионе. Практику усиления чрезвычайного законодательства мы расцениваем как попытку имперской власти восстановить в одном из «мятежных» регионов в период Первой революции свой властный авторитет.

1. Агентурная работа политической полиции Российской империи : сб. док. (1880–1917) / сост. Е. И. Щербакова. М. ; СПб. 2006.

2. *Бакит Д. А.* Подавление «Туруханского бунта»: карательный аппарат царской России за Полярным кругом // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011.

3. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ч. 2 / сост. Барштейн Е. К. [и др.]. М., 1955. С. 93. Переписка об этом деле была передана в военно-окружной суд, который привлек в качестве обвиняемых 220 человек. Государственная общественно-публичная библиотека. «Жандармская коллекция». № Ц-50678.

4. *Гессен В. М.* Исключительное положение. СПб., 1908.

5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 172.

6. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1431.

7. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 72.

8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 5770.

9. *Гредингер Ф.* Прокурорский надзор за 50 лет. СПб., 1914.

10. *Гумб К.* Угрожать и наказывать: русская армия в Варшаве в 1904–1905 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3.

11. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб, 1993.

12. Памятная книжка Енисейской губернии (ПКЕГ) на 1911 г. Красноярск, 1911. С. 191–194, 199; ПКЕГ на 1915 г. Красноярск, 1915. С. 85–89.

13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 1. № 350; Т. 12. № 8757; Т. 25. № 27043.

14. ПСЗРИ. Т. 10. № 6609; Т. 29. Ч. 1. № 32434; Т. 29. Ч. 1. № 31345.
15. ПСЗРИ. Т. 26. № 28204
16. ПСЗРИ. Т. 28. №№ 29969, 29970, 30303, 30841, 30874, 31126.
17. ПСЗРИ Т. 29. Ч. 1. № 31345.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 443.

Administering the Emergency Laws in the Yenisei Province during the Inter-revolution period (1907–1917)

D. A. Baksht

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

The paper considers applying of the territorial principle in the emergency laws that facilitates to reveal status authorities' view on status of the region during the period of the late Empire.

Key words: Yenisei province, emergency laws, inter-revolution period (1905–1917), gendarmery, imperial power.

Бакиш Дмитрий Алексеевич – аспирант исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета, 660049 г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 89135952274; e-mail: baksh@mail.ru

Baksh Dmitry Alekseyevich – Postgraduate student of the Faculty of History, the Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva St., 89, phone 89135952274; e-mail: baksh@mail.ru